ной созидательной силой. Это совокупность проинвестированных производственных и общечеловеческих навыков, знаний, способностей, которыми владеет человек, которые ему принадлежат, неотделимы от него и практически используются в повседневной жизни. Данная компонента оказывает непосредственное влияние не только на ресурсную составляющую инновационного потенциала, но и на внутреннюю и особенно результативную.

Рональд Коуз утверждал: «Очевидно, что рынки, как они сегодня существуют, для своей деятельности требуют большего, чем помещение, в котором может происходить купля-продажа. Они требуют также утверждения правовых норм, которые бы определяли права и обязанности тех, кто осуществляет трансакции» [2]. Поэтому вторым элементом инновационного потенциала является институциональная составляющая. Институты оказывают значительное влияние на интенсивность инновационной деятельности любой экономической системы. Наиболее важными ее составляющими являются: стабильность политического курса, развитость правовых институтов, эффективность фискальной политики и развитость инфраструктуры. Доказательством тому служат слова Майкла Портера: «На сложность деятельности и производительность, в чем компании конкурируют в пределах определенного региона, сильное влияние оказывает качество экономической обстановки (бизнес-климат среды). Например, фирмы не имеют возможности использовать прогрессивную логистику, если отсутствует развитая транспортная инфраструктура. Фирмы не могут конкурировать, применяя стратегию предоставления выококачественного сервисы, если не имеют доступа к хорошо образованным специалистам» [3].

Третьим элементом инновационного потенциала является результативная составляющая, которая выступает отражением конечного результата реализации имеющихся возможностей (в виде нового продукта, полученного в ходе осуществления инновационного процесса). Важность этой составляющей и целесообразность обособленного выделения подтверждается тем, что ее увеличение, в свою очередь, способствует развитию остальных составляющих (например, ресурсной). Другими словами, результативная составляющая, сама являясь результатом количественного и качественного изменения, несет в себе потенциальные возможности вывода на новый уровень функционирования, как инновационного потенциала, так и экономической системы. Питер Друкер считал: «Инновационная деятельность – это особый инструмент, позволяющий предпринимателю использовать перемены и превращать их в новые возможности для, например, открытия нового бизнеса или оказания новой услуги. Все это можно представить как отдельную отрасль знаний, этому можно научиться, а затем использовать в своей практической деятельности. Предприниматель должен находиться в целенаправленном поиске источников инноваций, перемен и их признаков, указывающих на возможности для успешной инновационной деятельности, и он должен знать и применять на практике принципы успешной инновационной деятельности» [1].

Процесс формирования эффективной системы управления зависит от уровня инновационного потенциала предприятия – его возможности в достижении поставленных целей. Реализация этих целей выступает как средство повышения конкурентных возможностей на рынке, решение кризисной проблемы и проблемы выживания в целом. Поэтому так важно понимать составляющие инновационного потенциала и уметь его оценивать.

Список литературы

1. Друкер Питер Ф. Бизнес и инновации. – М.: Вильямс, 2009.
2. Коуз Р. Фирма, рынок и право / Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2007. – С. 18.
3. Портер М. Конкуренция / пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. – С. 271.

МИРОВОЙ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 2007-2010 ГГ. КАК ПОНИЖАТЕЛЬНАЯ ВОЛНА Y-ГО КОНДРАТЬЕВСКОГО ЦИКЛА

Шибанова-Роенко Е.А., Сысовская О.И.

Российский университет дружбы народов, Москва, e-mail: sysovskaya_oksan@mail.ru

Кризисные явления в современной мировой экономике объясняются с двух позиций. Первая из них заключается в том, что всем системам свойственны свои циклические ритмы. Именно так они «работают», т.е. реагируют на неизбежные колебания в своей деятельности. Вторая основана на принципах функционирования капитализма как мировой системы и касается механизмов извлечения прибыли производителями, а также накопления капитала (как в рамках экономики отдельной страны, так и мировой экономической системы в целом).

Для подтверждения своей теории волнообразных движений при капитализме Н.Д.Кондратьев использовал статистику, которая будет приведена авторами далее. Материальной основой, по мнению Н.Д. Кондратьева, является чередование процессов нарушения и восстановления состояний экономического равновесия. Отклонения от равновесного состояния между рыночным спросом и предложением предопределяют краткосрочные циклы, проявляющиеся в движении товарных запасов. В основе больших циклов конъюнктуры лежит периодичное нарушение равновесия между запасом «основных капитальных благ» и главными факторами, определяющими технический способ производства.

Долговременные колебательно-волнообразные движения свойственны, согласно концепции больших циклов, как научно-техническому прогрессу в целом, так и целой группе частных социально-экономических процессов – от накопления капитала до сдвигов в технологической структуре производства.

Разумеется, цикличность экономического развития может быть подтверждена также результатами анализа макроэкономических показателей XX и XXI веков.

Статистика позволяет отметить наиболее вероятные границы больших циклов, подтверждающих теорию больших циклов Кондратьева:

1 волна – волна повышения конъюнктуры (с конца 80 –х гг. – начала 90-х гг. XVIII в. до 1810-1817 гг.); волна понижения конъюнктуры (с 1810-1817 до 1844-1851 гг.);

2 волна – волна повышения конъюнктуры (с 1844-1851 до 1870-1875 гг.); волна понижения конъюнктуры (с 1870-1875 до 1890-1896 гг.);

3 волна – волна повышения конъюнктуры (с 1890-1896 до 1914-1920 гг.); волна понижения конъюнктуры (с 1914-1920 гг.);

4 волна – волна повышения конъюнктуры (с середины 30-х гг. до середины 60-х гг.), волна понижения конъюнктуры (с середины 60-х гг. до 1977 г.);

5 волна – волны повышения конъюнктуры (с 1977 г. по 2008 гг.), волна понижения конъюнктуры (с 2008 г.).

Из всех изученных типов экономических циклов длинные волны в максимальной степени сопряжены с периодическим обновлением технологической структуры хозяйства. Н.Д. Кондратьев ввел фактор

научно-технического прогресса в циклическую модель в качестве ключевого. Обновление «основных капитальных благ» происходит не равномерно и плавно, а скачкообразно.

Научно-технический прогресс – процесс поступательный и в то же время циклический: революционные и эволюционные фазы сменяют друг друга. Неповторимость траектории развития заключается в том, что с каждой новой технологической революцией не только совершенствуется производство товаров и услуг, но и многократно увеличиваются число и масштабы инноваций. Технологические революции представляют собой совокупность экономически и технологически взаимосвязанных нововведений, образующих новую технологическую систему. Главные экономические последствия технологических революций – формирование новых секторов и отраслей хозяйства и параллельно-качественная трансформация старых, давно сложившихся.

Неравномерность технического прогресса связана с логикой экономического развития: прогресс науки и техники воспринимается обществом не сразу, а внедрение новшеств в экономику происходит с определенным временным лагом. Крупные технические изобретения чаще зарождаются до восходящей фазы длинной волны, то есть главным образом во время нисходящей фазы, однако востребуются хозяйственной практикой преимущественно на подъеме следующей волны конъюнктуры.

Н.Д. Кондратьев установил, что в фазе спада длинной волны «классические» циклические кризисы глубже и продолжительнее, чем в фазе подъема, а темпы выхода из депрессии ниже. По времени структурный кризис может охватить два, а то и три циклических кризиса перепроизводства. В отличие от циклического среднесрочного спада, выход из которого не требует качественных изменений в производственно-отраслевой и организационной структуре хозяйства, длинноволновая стагнация – это необходимый этап, на котором происходит отмирание прежнего экономико-технологического базиса, закладывается фундамент кардинальных сдвигов во всей системе производительных сил.

Вторым ключевым элементом в развертывании Кондратьевского цикла, инициирующим очередную длинную волну, является структурный кризис экономики. Структурный кризис – закономерное следствие периодически обостряющегося конфликта между устаревающей, консервативной производственной структурой и объективными запросами ее технологического обновления, которое не может быть реализовано при старой организации.

Концепция Кондратьева расширила представление о процессах социального, общественного развития. Восприятие цикличности проникло из экономики в другие социальные процессы, которые теперь все более понимаются как имеющие циклическую форму.

Теория Кондратьева органично связана с теорией и практикой прогнозирования. Сам исследователь выделял три типа прогнозов: 1. Предсказание событий, не имеющих четко выраженной регулярности (войны, обострение торговых противоречий). 2. Предсказание повторяющихся событий (цены, кризисы, циклические колебания инвестиций, динамика доходов). 3. Прогнозирование тенденций развития (темпы роста ВНП, изменение уровней занятости).

Важно, что теория больших циклов имеет особое значение для долгосрочных прогнозов. Здесь авторы считают необходимым выделить следующую мысль.

Пожалуй, редкая научная публикация по заявленной теме обходится без декларации. Что человеческое общество стоит на пороге больших перемен. Но их характер, направленность, темпы, тенденции оцениваются очень противоречиво. Переход к современному технологическому способу производства длится с середины 1950-х гг. Из теории Кондратьева следует, что длительные циклические фазы (спад – подъем) должны быть присущи любому обществу с развивающимися условиями общественного производства. Поскольку техническому прогрессу присущ неравномерный, скачкообразный характер, то логично, что «смена кожи» присуща любому обществу, но проходит она достаточно болезненно.

В мировой экономике существует, как минимум, два длинных цикла – евро-американский (о нём говорил Кондратьев) и азиатский (не исследовался Кондратьевым). Развивающиеся страны занимают, скорее, промежуточное положение между двумя типами циклов, не демонстрируя чёткой корреляции ни с тем, ни с другим. Россия пытается вписаться, скорее, в евро-американский цикл.

На основе теории длинных волн Н.Д. Кондратьева можно выделить следующую гипотезу динамики текущего длинного цикла:

1. Ближайшие 10–15 лет будут характеризоваться относительно слабой экономической конъюнктурой, более длительными и интенсивными спадами, вялыми и непродолжительными подъёмами.

2. Приблизительно в 2014/15 гг. возможны крупные экономические потрясения в Европе и Америке, которые будут характеризовать собой завершение длинного цикла; отголосок этого кризиса будет наблюдаться в конце 10-хгг. и окажется менее драматичным, чем события 2014/15 гг.

3. Период нового расцвета мировой экономики придётся на 20–30-е годы. Помимо нового технологического прорыва в эти годы ожидается открытие новых рынков, каковыми, на наш взгляд, станут закрытые исламские страны.

4. Российский бизнес-цикл, скорее, близок к евро-американскому, хотя ещё рано говорить, что экономика РФ полностью адаптировалась к колебаниям мировой экономики.

Анализируя современную ситуацию, можно прийти к выводу о сохранении базовых тенденций Кондратьевских волн.

Несмотря на общее ускорение жизни, связанное, прежде всего, с внедрением новых средств связи и глобальной информатизацией, наследие индустриального общества, для которого и характерны подобные волны, еще достаточно велико. Поэтому возможность даже долгосрочного прогноза остается высокой, несмотря на влияние многих регулирующих организаций (МВФ, ООН и др.) и всеобщую глобализацию и усиление роли отдельных стран.

Прогноз на ближайшие несколько лет можно сформулировать так: снижение фондовой активности; банкротство ряда крупных компаний; развитие новых технологий, активное внедрение которых будет происходить после 2015 года (скорее всего в области генетики и медицины); преимущество получат небольшие компании, способные быстро перестраиваться под действием конъюнктуры рынка.

Список литературы

1. Гринин Л.Е. Вербальная модель соотношения длинных кондратьевских волн и среднесрочных жюгляровских циклов // История и математика: Анализ и моделирование глобальной динамики. Ред. А.В. Коротаев, С.Ю. Малков, Л.Е. Гринин. – М.: Книжный Дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

2. Гринин Л.Е., Коротаев А. В. Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъёмов и кризисов от Ликурга до Алана Гринспена. – М.: Либроком, 2009

3. Капица Сергей. Парадоксы роста: Законы развития человечества. – М.: Альпина Нон-фикшн, 2010.

4. Кобяков А.Б., Николай Кондратьев как зеркало кризиса // RPManitor: [сайт]. – URL: http:// RPManitor.ru
5. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. Т.1. Вып.1. М., 1925.
6. Коротаев А.В., Цирель С.В. Кондратьевские волны в мировой экономической динамике // Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие / Ред. Д.А. Халтурина, А.В. Коротаев. – М.: Либроком, 2009.

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ АЗИАТСКОГО КРИЗИСА 1998 ГОДА

Шибанова-Роенко Е.А., Швырёва Е.С.

Российский университет дружбы народов, Москва, e-mail: shvyreva89@mail.ru

Наиболее драматичным событием второй половины 1997 г. и в продолжение всего 1998 г. явился финансово-экономический кризис в Восточной Азии. Первоначально он коснулся главным образом Таиланда и Малайзии, но затем перекинулся на Гонконг, Сингапур, Индонезию, Южную Корею и отчасти Японию. В связи с этим в западной печати заговорили о »заразе с Востока», которая грозит распространиться на весь промышленно развитый мир.

События в Юго-Восточной Азии, на первый взгляд, были неожиданными.

До сих пор эти государства развивались необычайно высокими темпами, за что были прозваны «тиграми». Азиатскую модель ставили в качестве примера, которому якобы надо следовать другим странам, в частности, и бывшим социалистическим странам. Действительно, в 1990-1996 г.г. среднегодовой темп прироста ВВП составил в Южной Корее 7,2%, Малайзии и Сингапуре – 8,7, Таиланде – 8,4, Индонезии – 7,6% (хотя следует отметить, что не принявший эту модель Китай развивался еще быстрее).

Казалось, процветанию «тигров» не будет конца.

Но осенью 1997 г. наступило своеобразное «похмелье». Паника уверенно охватила фондовые и валютные биржи Восточной Азии. Валюты вышеперечисленных стран, державшиеся до этого неизменного курса по отношению к доллару США, начали катастрофически падать. Южнокорейский вон упал к концу года на 47%, таиландский бат – на 45%, индонезийская рупия – на 56% и т.д. Один за другим стали «лопаться» местные банки, закрываться предприятия, началось падение производства. Объявили банкротство некоторые местные концерны. В Южной Корее из 30 крупнейших концернов обанкротились восемь. Десятки тысяч людей потеряли работу. В Малайзии заговорили о необходимости выдворить из страны до 1 млн. иммигрантов, приехавших на заработки и ставших теперь «лишними».

В азиатских странах – таких как Индонезия, Корея, Сингапур, Тайланд – до кризиса имелась довольно высокая доля торговли внутри азиатского региона. Доля азиатских стран, включая Японию, составляла в среднем более 40% в экспорте и импорте этих стран в 1992 и 1996 г.г. В период кризиса в 1997 г. экспорт и импорт только в Индонезии упал ниже 30%, остальные же страны сохранили высокий уровень региональной торговли.

Азиатские страны имели достаточно высокий объем притока иностранного капитала в экономику. В Корее приток капитала составлял в среднем с 1990 по 1998 г.г. 3% от ВВП, в Тайланде – 2,4% от ВВП и в Индонезии – 0,8% от ВВП.

Отметим, что зависимость стран от притока капитала ставит под удар возможность обеспечения равновесия без изменения внешних пропорций. Приток капитала означает ожидание возможности получения более высокого дохода иностранной компанией через N лет. Если на момент окончания периода инвестирования валютные доходы страны недостаточны для обеспечения конвертируемости прибыли, то происходит девальвация валюты. Корреляция с современной ситуации позволяет авторам отметить: вполне возможно, что контракт будет профинансирован за счет нового инвестора. Прямые инвестиции в компанию обращаются получением экспортных доходов. Если экспортных доходов недостаточно, то инвестор вправе продать акции компании и конвертировать прибыль. Таким образом, инвестиционный бум может усилить давление оттока капитала. В конечном счете, если нет возможности покрыть потребности в конвертации прибыли за счет притока новых средств или резервов усиливается давление на торговое сальдо и возрастает вероятность кризиса. Поэтому большой объем притока капитала при неадекватных валютных доходах в последующие годы, как правило, предшествует кризису.

В Таиланде основной приток капитала приходился на начало1990-х г.г. При этом особенностью этого периода явился рост портфельных инвестиций, которые были примерно в 2 раза выше, чем прямые инвестиции. Страновая привязанность прямых инвестиций также играла определенную роль. Интенсивность притока всех инвестиций была примерно одинаковой: в начале 1990-х г.г. они были достаточно высоки. Но в 1994-1997 г.г. приток стал снижаться: основу прямых инвестиций в Азии составляли вложения Японии; ухудшение финансового положения в Японии привело к сокращению притока инвестиций в 1994-95 г.г. в Таиланде, что сказалось на снижении темпов роста экономики и росте краткосрочного долга.

Авторы считают важным добавить, что краткосрочный внешний долг является одним из предвестников странового кризиса.

В подтверждение мысли приведем следующие данные. С 1990 по 1997 г.г. краткосрочный внешний долг в Индонезии вырос с $11.1 до $32.2 млрд., в Корее с $22.8 до $100 млрд., в Таиланде с $8.3 до $34.8 млрд. Пик роста краткосрочного долга в Таиланде ($41.1 млрд.) приходился на 1995 г., т.е. на период спада прямых и портфельных инвестиций. Давление долга росло на фоне ухудшающегося торгового сальдо. Отношение краткосрочного долга к экспорту в Таиланде выросло с 1992-1997 гг. с 43 до 60%, в Корее с 32 до 50%, в Индонезии с 52 до 108%. Рост краткосрочного долга создал угрозу бегства депозитов из банковского сектора в отсутствии страхования депозитов. Внутренние инвесторы также стремились избавиться от долгосрочных активов под влиянием роста концентрации краткосрочного иностранного долга.

Что же именно вызвало т.н. мировой Азиатский кризис?

Некоторые наблюдатели, указывая на впечатляющие рекорды роста экономик Восточной Азии, утверждали, что никаких фундаментальных экономических причин для собственно кризиса не было. Более того, заявляли они, неоправданная потеря доверия международных финансовых инвесторов стала «самовыполняющимся пророчеством», когда паническая продажа азиатских активов некоторыми финансовыми инвесторами так напугала других инвесторов, что они тоже начали продавать. Когда началась паника, она повлияла на все страны без исключения, в т.ч. неазиатские страны, такие как Россия и Бразилия, которые тоже столкнулись со спекулятивными атаками.

Однако большинство экономистов сегодня согласятся с тем, что фундаментальные проблемы восточноазиатских экономик все-таки значительно спо-